

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Отделение литературы и языка

Г. В. Степанов

ЯЗЫК
ЛИТЕРАТУРА
ПОЭТИКА

Ответственный редактор
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

МОСКВА «НАУКА»

1988

О ГЕОРГИИ ВЛАДИМИРОВИЧЕ СТЕПАНОВЕ

В Георгии Владимировиче Степанове с первого же взгляда поражала внутренняя сдержанность и внешняя подтянутость. Мужественная стройность, которую смягчала чуть заметная сутуловатость, придавала его облику как бы некоторую усталость и простоту. Отлично сшитый и отглаженный костюм. Безукоризненная, внутренне доброжелательная манера обращения со всеми. Он был аристократичен в лучшем смысле этого слова.

Не сразу начинаешь понимать, чем эта сдержанность и выправка всего внешнего и внутреннего склада вызвана. В молодости он был военным, и не просто военным — он шесть лет воевал, научился быть исполнительным и требовательным к себе, товарищески благожелательным в любых условиях, общительным и сдержанным. Но его воинская дисциплинированность накладывалась на дисциплинированность научную. Не столько строй, сколько стройность. Не столько воинская дисциплинированность, сколько научная школа. Традиционность внешняя при умении считаться с обстановкой — все это позволило ему не только с честью выжить в сложнейших условиях войн конца первой половины XX в., но и ориентироваться в запутанной научной ситуации XX в. Он выдвигал научные вопросы и темы, которые были каждый раз крайне актуальны. Он обладал наблюдательностью в науке и соблюдал при этом научный подход к любой проблеме, чуждаясь подозрительных концепций и скороспелых решений. Школа, научная школа классической русской филологии — прежде всего академика В. Ф. Шишмарева — ученика гениального А. Н. Веселовского, профессора Б. А. Кржевского — ученика Д. К. Петрова, академика В. М. Жирмунского, познавшего и воспринявшего все строгие школы Германии, Англии и России начала XX в. От последнего (начала русского XX в.) им была воспринята и удивительная способность легкого общения с самыми передовыми писателями своего времени — соединение учености и эмоционального понимания художественности.

Отсюда научная подтянутость, известного рода здоровая традиционность и научная общительность, столь типичная для русской интеллигенции начала XX в. и столь нужная в наше время.

Соглашаясь с определением филологии С. С. Аверинцевым, Г. В. Степанов писал: «С. С. Аверинцев определяет филологию как содружество гуманитарных дисциплин, имеющую двуполярную внутреннюю структуру: „На одном полюсе — скромнейшая служба ‘при’ тексте, не допускающая отхода от его конкретности; на другом — универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее”»¹.

Если первая часть филологии — это методика подхода к тексту, то вторая часть — это больше, чем мировоззрение. Это — поведение, это этика и эстетика отношения к миру и к самому себе. Г. В. Степанов был именно таким филологом. Он был ответственен за каждое свое слово и за каждый свой поступок по отношению к художественному и нехудожественному произведению. Поэтому и красота его поведения была красотой, выработанной в себе филологом.

Георгий Владимирович не умел мыслить поспешно, хотя и был человеком находчивым, блестяще ориентирующимся в ситуациях, создающихся в науке вообще, а также в научном учреждении или непосредственно на заседании. Эта «трудность обдуманности» во всех его поступках и выступлениях, конечно, мешала ему жить спокойно, читать быстро, решать без учета всех возможных последствий, но делала его мудрее и строже.

В отличие от многих и многих своих коллег по филологии он читал их книги, а не откладывал на полки, и читал глубоко, вникая в суть. По поводу второго издания моей брошюры «Заметок о русском» он написал мне письмо, в котором так проанализировал мои мысли, что они показались даже значительнее по своему содержанию, чем я их себе представлял. Ибо, читая чужое, он применял читаемое к своему.

Из большого письма по поводу моих «Заметок» я выберу только один отрывок, который во многом помогает понять его собственные научные позиции. Г. В. Степанов

¹ Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. Т. 39. № 3. С. 195. Ссылка в тексте на ст. С. С. Аверинцева «Филология» // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

писал мне между прочим: «В последние десятилетия наряду с движением нашего мира к унитарности во всех сферах материального и духовного производства явно обозначилась тенденция противоположная, как реакция на эту унитарность и космополитизацию: регионализм, региональное сознание, нашедшее выражение, с одной стороны, в масштабе наций, национальностей, провинций (как в Испании), а с другой — в межнациональных, но все же ограниченных, а потому тоже региональных блоках (типа НАТО) или рынках (вроде Общеввропейского) или объединениях по религиозному принципу (ислам) и т. д. Картину усложняет „регионализм“ другого типа, проявляющийся в конфронтации городского и деревенского, природы и цивилизации, цивилизации и культуры (по Бердяеву), старины и новизны и т. д.

Ваша книга вычерчивает (для меня, во всяком случае) ту привилегированную ось эволюции общественного сознания, ориентируясь на которую можно избавиться от самых сложных психологических дефицитов, снять или, во всяком случае, смирить трудно примиримые оппозиции».

Борец интернациональной бригады в Испании, он оставался глубоким интернационалистом и в науке, снимая повсюду и во всем «перегородки», научные предрассудки и предубеждения, следуя в этом русской классической филологии, представленной такими именами, как Веселовский, Шишмарев, Кржевский, Жирмунский. Филология для них, как и для Г. В. Степанова, — это прежде всего наука, объединяющая всю словесность в широком смысле этого слова на строго исторической почве — истории языков и истории литератур.

Г. В. Степанов изучал романские языки в связи с историей культуры на этих языках, в связи с так называемыми «вспомогательными дисциплинами», позволяющими «набирать скорость точности и профессионализма» в разрешении отдельных научных вопросов.

Стремясь объединить языковые явления, он пришел к широкой мысли о функциональных структурах в разных географических ареалах, создав теорию языкового варианта на основе испанского языка Латинской Америки.

Он разработал проблему языковой вариативности и системности языка, ввел понятие внешней системы, находящейся во взаимодействии с языковой структурой.

Он положил основание обобщению вариативности современных литературных и национальных языков глав-

ным образом на основе латиноамериканских языков.

Теория языковой вариативности, в которой с учетом социальных, структурных и функционально-стилистических параметров раскрываются природа, характер и типы эволюции и изменчивости языка в историческом и пространственном планах, легла в основу изучения романских языков как некоего единства.

Как своеобразное развитие взглядов Г. В. Степанова на язык выступают его взгляды на литературное творчество. В творчестве писателя-поэта — прежде всего для Г. В. Степанова выступают его коммуникативные функции, причем особая роль выступает у реципиента, диктующего систему обращения к нему автора в том или ином жанре-парадигме. Вообще понятие жанра-парадигмы занимает в воззрениях Г. В. Степанова особую, важную роль.

В научных взглядах Г. В. Степанова поражает их единство. В целом лингвистические воззрения его и литературоведческие представляют две стороны одного и того же филологического подхода. Г. В. Степанов — филолог «*rag excellence*». Это исчезающая наука, вернее научный подход, высокое значение которого Г. В. Степанов осознавал в полной мере и осуществлял на практике — и как глава Института языкознания АН СССР, и как глава Отделения литературы и языка АН СССР.

Г. В. Степанов был последователен во всем: и как боец интернациональных бригад в Испании, и как солдат на фронте Отечественной войны, и как член королевской Академии Испании, и как советский академик, возглавлявший Отделение литературы и языка Академии наук СССР. Он был всюду одинаков и как личность — исключительно честный перед собой, людьми, наукой, а потому и красивый в своих воззрениях и в своем облике ученого.

Академик АН СССР Д. С. Лихачев